выражения с грубоватой экспрессией (*нагрел бы тебе шею*). Кроме того, отмечены случаи народной фразеологии в авторской речи (*куда глаза глядят, пялить глаза*).⁶

По мнению А. Скафтымова, однако, крестьянская речь в «Путешествии» «всегда мало удачна». В ней слышится и «пасторальная подслащенность», и «искусственность, надуманность, фальшивого просторечия», и «диссонансы искусственных вторжений песенной интонации в общий разговорный тон», и, наконец, «явная, откровенная литературность: славянизмы, запутанность синтаксиса, закругленность, законченность фразеологии».⁷ Здесь, как это ни странно, делается оценка языка персонажей едва ли не применительно к позициям натуральной школы. Между тем опыты Радищева следовали по времени за непоследовательными и натуралистическими приемами комедиографии 60—70-х гг.,⁸ держась в русле умеренных и со вкусом выполненных стилизаций Фонвизина.⁹ Впрочем, народным языком у Радищева впервые говорят не отрицательные персонажи, а герои, выводимые с очевидной симпатией, так что народная речь уже ни в коей мере не служит комическим эффектам, но выражает существенное жизненное содержание.

Подмеченные А. Скафтымовым стилистические приемы пасторального, народно-песенного, возвышенно славянского характера, служащие созданию языка крестьянских персонажей, нужно интерпретировать как проявление осознанной художественности. Пасторальный оттенок лежит на речи Анюты («Едрова»), народно-песенный встречаем в сцене рекрутского набора («Городня»), возвышенно славянский — там же, в скорбных словах прощающейся с сыном матери, — все это представляется чрезвы-

⁶ Пользоваться морфологическим критерием необходимо с большой осторожностью. Действительно, суффиксы уменьшительности зачастую оценивались в Словаре Академии российской (далее сокращенно: САР) как носители сниженной стилистики, однако составители словаря не дают указаний на стилистическую сниженность многократных глаголов (см.: *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии российской». — В кн.: *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. т. I. М., 1949, с. 121—127).

⁷ *Скафтымов А.* Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, с. 93—94.

⁸ «Авторы, пытавшиеся передать язык крестьян, не имели точных представлений об особенностях какого-либо определенного говора, но „создавали“ условный „крестьянский“ язык, механически соединяя все, что им было известно об отличиях языка деревни от литературной или, по крайней мере, от городской нормы» (*Берков П. Н.* О языке русской комедии XVIII века. — Изв. Отд-ния лит. и яз. АН СССР, 1949, т. 8, с. 43).

⁹ Основным средством в характеристике народного языка персонажей у Фонвизина выступал «народно-идиоматический строй речи, основанный не на диалекте, а на общенародном языке: пословицы, поговорки, идиоматические выражения, народные обращения, междометия, ласкательные народные формы, бытовая лексика, народная семантика, уменьшительные суффиксы и, наконец, с чувством меры употребляемая просторечная и областная лексика» (*Гномон-Дзюбанова Н. М.* Стилистическое использование областной и простонародной лексики в русских комедиях второй половины XVIII века. — Научн. зап. Нежинского гос. пед. ин-та, 1958, т. 19, с. 11).